
Глава 24

Янь Юнь рассеянно вертел в пальцах ручку. Взгляд Линь Фэнмина, вперенный в него, стал пугающе пронзительным. Когда стало ясно, что отделаться шутками не выйдет, Киноимператору пришлось выложить всё как есть.

В их школьные годы еще не ввели новую систему выбора предметов, и ученики по-прежнему разделялись на два потока: гуманитарный, с упором на политику, историю и географию, и физмат — с физикой, химией и биологией.

В конце первого полугодия десятого класса, когда пришло время предварительного распределения, Линь Фэнмин входил в десятку лучших по восьми предметам — по всем, кроме родного языка. Классный руководитель специально вызвала его для беседы, до смерти опасаясь, что он уйдет в гуманитарии.

Лю Цинъюнь преподавала биологию, и ее класс неизбежно должен был стать профильным физматом. Потерять Линь Фэнмина означало упустить будущего медалиста и гордость школы, поэтому она пустила в ход всё свое красноречие. Разумеется, она не была из тех учителей, кого волнуют только рейтинги. Заметила его молчание, она вздохнула:

— Я примерно представляю твою ситуацию в семье. Скажи... ты хочешь проложить свой собственный путь?

Профессор Линь после недолгой паузы кивнул. Лю Цинъюнь продолжала:

— На самом высоком уровне между этими направлениями нет разницы. Но если ты готов трудиться, если не боишься трудностей, а положение твоей семьи оставляет желать лучшего... Поверь, диплом инженера — это твой лучший шанс на достойное будущее.

Янь Юнь, бывший тогда старостой по литературе, как раз сдавал отчет учителю в том же кабинете. По привычке он слушал в пол-уха, стараясь не пропустить ни слова из разговора за соседним столом.

Учитель литературы, добродушный лысеющий старик, собиравшийся на пенсию, не удержался и вставил свои пять копеек:

— Верно. С твоими баллами и при твоём положении, Сяо Линь, ты — настоящий «благородный сын из скромного дома». Если не пойдешь по пути науки и техники, в будущем тебе придется туго. — Старик перевел взгляд на Янь Юня: — К тому же в родном языке ты не блещешь. Гуманитарные науки требуют особого чутья, искры. Вот наш староста Янь — прирожденный гуманитарий, это его стезя.

Юноша, витавший в облаках, не успел и слова вымолвить, как Линь Фэнмин холодно усмехнулся:

— Да у него просто выбора нет. С такой-то физикой...

О непростых отношениях этих двоих знал весь поток. Учителя в кабинете дружно рассмеялись, и Янь Юнь, мгновенно вспыхнув от обиды, выпалил:

— Кто это сказал, что у меня нет выбора?! Вот увидишь, я пойду на физмат!

Учитель литературы даже в лице переменился:

— Эй-эй, нельзя так! Не смей рисковать будущим ради пустой бравлады.

— Никакой бравлады, я всё решил, — отрезал Янь Юнь.

Он сорвал стикер со своего отчета и, пользуясь преимуществом в росте, подошел к Фэнмину, прилепив бумажку тому прямо на лоб.

— Я собираюсь поступать на актерский, так что мне нужны только баллы за аттестат, а какой поток выбирать — неважно. Так что... до встречи в следующем семестре, одноклассник Линь Ниннин.

С этими словами он вышел из кабинета. Линь Фэнмин сорвал стикер, лицо его было ледяным.

— Я тоже выбираю физмат, — бросил он классному руководителю и вылетел вслед за соперником, намереваясь немедленно с ним поквитаться.

С тех пор профессор Линь не мог забыть этот случай. Ему казалось, что Янь Юнь выбрал сложный путь лишь из-за его подначки, из чистого упрямства, и в глубине души его всегда подтачивало чувство вины. Хотя тот в итоге и поступил в Университет Т, усилия, которые ему пришлось приложить, были несоизмеримы с усилиями обычного ученика. У каждого есть свои таланты и слабые стороны; заниматься тем, к чему не лежит душа, — тяжкий труд для любого.

Но сколько бы Линь Фэнмин ни допытывался позже, Киноимператор признавал только свое желание победить в споре, отрицая, что слова Линя стали решающим толчком.

Фэнмин всегда чувствовал ложь. Но лишь сегодня он понял, насколько глубокой она была. Янь Юнь действительно лгал: даже версия про упрямство была лишь прикрытием. Он грыз гранит чуждой ему науки только ради того, чтобы оставаться в одном классе с Линем.

Рассказав это, актер окончательно расслабился. Он пожал плечами с видом человека, которому уже нечего терять:

— Вот так всё просто.

Линь Фэнмин слушал, и маска спокойствия на его лице дала трещину. Его первой реакцией было вовсе не удивление, а ярость — та самая, от которой темнеет в глазах и пропадает дар

речи. Прошло немало времени, прежде чем он смог выдавить сквозь зубы:

— У тебя что, совсем мозги отсохли?

Янь Юнь ожидал чего-то подобного, поэтому просто кивнул:

— Можешь считать и так.

— Ты думаешь, это круто — превращать свое будущее в шутку? — Линь Фэнмин отшвырнул чертеж и, схватив мужа за воротник, сорвался на гневный голос. — Раскинь своими свиными мозгами, ты о последствиях думал?! А если бы ты не вытянул программу, если бы баллы рухнули и ты не прошел бы даже порог приличного вуза? На следующий год систему меняли, ты бы даже пересдать не смог, идиот! А если бы что-то пошло не так с творческим конкурсом, и тебе пришлось бы полагаться только на оценки? Ты правда думал, что с твоим уровнем физики можно подготовиться за пару месяцев до экзамена?!

Зрители оцепенели, глядя на Линь Фэнмина, который выдал самую длинную и эмоциональную тираду за всё время шоу. Его логика была безупречной, а темп речи — запредельным; казалось, он вот-вот приклеит мужу на лоб клеймо «полный кретин».

Но только Янь Юнь уловил в его голосе ту едва заметную дрожь, которая выдавала охвативший его страх.

— В конце концов, — в сердцах добавил профессор, — тебе не приходило в голову, что я мог просто не полюбить такого набитого дурака? Что всё, сделанное тобой, могло оказаться напрасным...

— Оно того стоило, — Янь Юнь, безропотно сносивший все оскорбления, вдруг резко перехватил запястье мужа, сжимавшего его ворот. Он прервал его, чеканя каждое слово: — В моей жизни не было ничего более стоящего.

Линь Фэнмин широко раскрыл глаза, и гневные слова застряли у него в горле.

Запястье обожгло знакомым жаром. Воспоминания о прошлой ночи, словно цепкие лозы, обвили его, пригвозждая к месту. Ощущения, всё еще жившие в теле, вспыхнули с новой силой; инстинктивное желание, как лесной пожар, заполнило грудь, но его сдерживала бушующая внутри буря чувств.

Каждый зритель понял то, что Янь Юнь оставил между строк: «В моей жизни нет ничего важнее тебя».

Придя в себя, Линь Фэнмин резко вырвал руку — то ли обжегшись о его слова, то ли о жар ладони. Он низко опустил голову, скрывая пылающие уши и закусив губу. Стараясь сохранить хотя бы видимость холодности, он молча уставился в пояснительную записку к проекту.

Янь Юнь, видя его состояние, не смог сдержать улыбки — теплой, искренней, светящейся такой нежностью, будто в целом мире для него существовал только этот человек.

Зрители же не сдерживались — чат буквально захлебывался от восторга:

[Эта улыбка Киноимператора, боже-е-е!]

[Убейте меня, они слишком сладкие! Никакой инсулин не спасет! Дайте мне просто умереть от счастья!]

[Юнь-цзы, ну ты и мастер слова! Какое признание!]

[А-а-а-а, Линь-линь покраснел! Это просто шедевр!]

[Профессор Линь никогда столько не говорил... Он испугался за него, он в панике! Какая прелесть!]

[Я думала, Линь-линь расчувствуется, а он разозлился! Разозлился, потому что муж рискнул будущим ради него... Я сейчас расплачусь, они идеальные.]

[Всё, не могу это просто смотреть, пойду нарезать круги по стадиону!]

[Боже, я полный ноль в физике. Если бы мне пришлось учить ее ради кого-то, я бы в жизни не согласилась! Даже если бы мне в любви признался первый красавец школы, физика — это смерть.]

[Ребята, не забывайте: двоечник двоечнику рознь. Этот «двоечник» закончил Университет Т.]

[Закончил топовый вуз и заполучил в жены первую любовь — ледяного красавца-профессора. Пока мы тут плачем от умиления, Янь Юнь уже давно всех победил.]

— С расчетами на сегодня закончим, всё равно больше ты не запомнишь, — Линь Фэнмин как ни в чем не бывало достал план этажа. Ткнув пальцем в заголовок, он продолжил: — Теперь разберемся со структурой чертежей и их количеством. Завтра начнем изучать CAD.

Янь Юнь видел, как тот отчаянно пытается скрыть эмоции, но не стал его выдавать. Он послушно принял роль ученика, внимая каждому слову «учителя Линя» на их индивидуальном занятии.

Фэнмин стал доцентом в столь юном возрасте не только благодаря дипломам, но и таланту педагога. Несмотря на недавнюю выволочку, объяснял он вдумчиво и доходчиво. Самые сложные детали в его изложении становились простыми; он совсем не напоминал того заносчивого гения, который когда-то молча швырял Янь Юню решенные в три строчки задачи.

Киноимператор вдруг тихо хмыкнул. Линь Фэнмин поднял взгляд:

— Что смешного?

— Да так, просто подумал, что ты сильно вырос как учитель, — улыбнулся Янь Юнь. — Твоим

студентам повезло. Им не приходится выслушивать гадости просто потому, что преподаватель не может нормально объяснить тему.

Профессор Линь холодно парировал:

— Это потому, что кое-кто был непроходимо туп. Если не можешь понять — вини себя, а не учителя. Ты бы еще свою ручку обвинил в том, что она сама ответы не пишет.

Янь Юнь, перелистывая чертежи, лениво огрызнулся:

— Ну да, конечно. Решить задачу по электродинамике в три действия и на любой вопрос отвечать: «Ты просто тупой». Отличный был педагогический подход...

Перевернув следующую страницу, он внезапно замер. Линь Фэнмин уже собирался вставить очередную колкость, но, заметив его реакцию, проследил за его взглядом. На чертеже он увидел пометку, сделанную его собственной рукой: «Не нравится дизайн с перегородками, переделать».

На многих листах были следы правок — в конце концов, это были лишь эскизы. Окончательный вариант проекта, выполненный на огромных листах формата А0, лежал отдельно; в них Янь Юнь заглядывать было еще рано. Но на других чертежах были лишь технические указания, и только на этом стояла причина правки.

Линь Фэнмин мгновенно пришел в себя. Он хотел выхватить лист, но муж крепко прижал его к столу. Профессор закусил губу.

«Если он спросит, кому именно не понравились перегородки, как соврать так, чтобы не выдать себя и не разозлить его?»

Но Янь Юнь не стал спрашивать об этом. Он посмотрел мужу в глаза и прямо спросил:

— Это для меня?

Все заготовленные оправдания рассыпались в прах. Линь Фэнмин лишь спустя несколько секунд обрел голос. Он заставил себя усмехнуться:

— Не боишься челюсть вывихнуть от такой самоуверенности?

Зрители, не понимая подтекста, дружно хохотали:

[Киноимператор — эталон уверенности в себе. Назначаю его верховным фаворитом уверенности!]

[Боже, «верховный фаворит уверенности», я не могу, ха-ха-ха!]

[Парень, ты слишком много на себя берешь!]

[Это проект доцента топового вуза, за такой дизайн отвалили бы не меньше миллиона. Ты правда думаешь, что тебе его просто подарят?]

[Юнь-цзы: «А можно я расплачусь натурой?»]

[Черт, оберегайте свои кошельки и девственность!]

Но Янь Юнь не шутил. Он пристально разглядывал чертежи, пальцы его медленно скользили по строчкам пометок. Перед его глазами встал образ Линь Фэнмина, который ночи напролет сидел за компьютером. У него часто болела поясница, поэтому он не мог долго сидеть на одном месте; по всему дому были разбросаны инструменты для рисования, а количество компьютеров в какой-то момент перевалило за пять.

Фэнмин работал скрупулезно, но быстро. Если он выдавал готовый проект, то никогда его не переделывал, если только не находил серьезную ошибку. Однажды заказчик придрался к мелочи, и Линь Фэнмин просто отложил карандаш: «Ищите другого мастера».

Но прошлым летом, в такую же жару, Киноимператор отчетливо помнил, как Линь Фэнмин без конца правил одни и те же листы. Он никогда не видел мужа в таком сомнении, словно тот работал над чем-то бесконечно ценным и до смерти боялся ошибиться, задеть чьи-то чувства неудачной деталью.

Тогда Янь Юнь, стгорая от ревности, гадал, что это за важный клиент. Он не удержался и спросил:

— Как продвигается?

Линь Фэнмин, не поднимая головы от стола, коротко бросил:

— Проектирую кабинет.

Актер долго стоял рядом, вглядываясь в линии. Чем больше он смотрел, тем кислее становилось у него на душе. В конце концов он не выдержал:

— Зачем в нормальном кабинете столько перегородок? Это лабиринт какой-то?

Фэнмин тогда впервые поднял на него взгляд:

— Кажется, позапрошлым летом в гостях у Янь-цзы ты восхищался ее кабинетом именно из-за перегородок.

Ревность окончательно лишила Янь Юня логики. Он заявил с апломбом человека, который всегда прав:

— То было раньше. Теперь я всё обдумал: Юнь Янь — одиночка, ей в своем кабинете хоть стену из кирпича строить можно, никто не помешает. А я — человек семейный. Зачем мне столько перегородок? Вдруг моя жена захочет почитать вместе со мной?

Линь Фэнмин тогда лишь усмехнулся, глядя на чертеж:

— Твоя жена точно не захочет этого делать, не переживай.

Янь Юнь тогда бесцеремонно обнял его сзади, не давая рисовать:

— Нет, так не пойдет.

Фэнмин, не в силах сопротивляться его напору, просто пометил на полях: «Изменить». Остальное проектирование он отложил на потом.

Прошел год. Янь Юнь и представить не мог, что та самая вилла, к которой он так ревновал, предназначалась ему. А Линь Фэнмин не ожидал, что муж запомнит те случайно брошенные слова. Это было похоже на обмен подарками в период влюбленности: кто первый выдал свои чувства, тот и проиграл.

Профессор уже приготовился к насмешкам, но актер не проронил ни слова. Он просто начал медленно, лист за листом, пересматривать чертежи, едва касаясь кончиками пальцев каждой линии.

От этого Линь Фэнмину стало еще больше не по себе. Смущение захлестнуло его с такой силой, что он готов был провалиться сквозь землю.

Зрители, которые только что смеялись над самоуверенностью Киноимператора, внезапно замолкли, осознав правду:

[? Погодите-ка, кажется, ситуация принимает крутой оборот...]

[О боже! Неужели он правда проектировал дом для Янь Юня?!]

[Черт, я только что смеялась над ним, а теперь чувствую себя полной идиоткой...]

[А-а-а-а, как это мило! Я сейчас умру от зависти! За что ему такое счастье?!]

[Хорошие новости: жена Янь Юня просто невероятная. Плохие новости: она его безумно любит.]

[Для всех «охотников» это просто катастрофические новости (грустный смайлик).]

[Ребята, ну нельзя же так сильно любить друг друга, а-а-а-а!]

В конце концов Линь Фэнмин не выдержал и накрыл ладонью руку мужа:

— ...Хватит смотреть.

Янь Юнь вскинул брови:

— Не давать заказчику смотреть на проект? Плохой из тебя выходит дизайнер.

Услышав слово «заказчик», профессор наконец обрел дар речи:

— Ты сам назвал заказчика этого проекта идиотом.

Актер даже глазом не моргнул:

— Ну да, это я.

Линь Фэнмин: — ...

Против человека, который добровольно признает себя дураком, у него не было оружия. Этот «мерзавец» явно не собирался сдаваться. Янь Юнь окончательно обнаглел: он продолжал рассматривать листы, сопровождая это комментариями. Линь Фэнмин не выдержал: вспыхнув от смущения, он вырвал стопку чертежей у него из-под рук:

— Урок окончен. Проваливай.

Он проиграл в этой нелепой игре. Янь Юнь, окрыленный победой, подпер рукой подбородок и с насмешкой уставился на него:

— Ой, неужели наш профессор Линь покраснел? Вышли из себя?

Линь Фэнмин холодно усмехнулся:

— Хочешь, я сделаю так, что и ты покраснеешь?

— Не верю, — беспечно бросил актер.

И тогда Линь Фэнмин с силой швырнул стопку бумаг ему прямо в лицо.

Чэн Сюй и Му Ян как раз спускались со второго этажа и замерли в изумлении. Му Ян невольно посмотрел на друга, и Чэн Сюй поспешно спросил:

— Профессор Линь... вы с Янь Юнем... у вас всё в порядке?

— Всё нормально, — Янь Юнь привычным жестом отложил бумаги и потер щеку. — Жениться на ком-то моложе себя — это всегда так. Будь осторожен в будущем.

Взгляд Фэнмина заледенел, и Янь Юнь тут же прикусил язык. Он сел и принялся собирать разлетевшиеся листы — точь-в-точь как дома после очередной стычки.

Пока актер наводил порядок, Линь Фэнмин перевел взгляд на Чэн Сюя и Му Яна. Он никогда

не лез за словом в карман и, улучив момент, без обиняков спросил:

— Вы не думали о том, чтобы развестись с Чжэн Чуханем и Жуань Сянем?

Чэн Сюй, только собиравшийся сесть, чуть не промахнулся мимо стула. Му Ян широко раскрыл глаза, выглядя совершенно растерянным.

Зрители онемели от такой прямоты, а затем чат заполнили знаки вопроса:

[??? Разве такие вопросы задают в лоб?!]

[Черт, вот это мощь! Кроме «браво», слов нет!]

[Линь-линь, ты — мой герой!]

[Говорят, у Киноимператора характер прямой, но его жена еще круче!]

[А-а-а-а, профессор Линь озвучил мысли всех зрителей! Я давно хотел это спросить!]

[Может быть, одна из этих пар уже в разводе?]

[Чжэн Чухань и Жуань Сянь — идеальная пара в кавычках, пусть остаются вместе.]

Поняв, что все молчат, Янь Юнь откашлялся:

— Профессор Линь, вы просто мастер светской беседы.

Линь Фэнмин осознал, что зашел слишком далеко. Он уже собирался сменить тему, чтобы сгладить неловкость, но Му Ян вдруг заговорил первым:

— По правде говоря... я об этом думаю.

Чэн Сюй удивленно посмотрел на него. С самого начала эфира Му Ян казался лишь бледной тенью Чжэн Чуханя. Если Дуань Синбэй из-за робости говорил мало, то Му Ян вообще почти не открывал рта по собственной воле.

— Изначально я пришел на это шоу, чтобы попытаться спасти наш брак, — Му Ян словно обрел внезапную смелость; он горько усмехнулся. — Но теперь, глядя на профессора Линя и Киноимператора Яня, я понял: спасать, кажется, уже нечего.

Линь Фэнмин: — ...?

Он удивленно вскинул брови, не зная, чему поражаться больше.

— Спаси? — Янь Юнь выразил мысли всех зрителей. — Ты его или он тебя?

Му Ян замялся, его голос стал неуверенным:

— Я... я его.

Зрители в чате дружно ахнули. Янь Юнь подошел и сел рядом с мужем. Он безжалостно заметил:

— Тогда тебе стоит провериться у врача. Кажется, Чжэн Чухань тебя просто приворожил.

Му Ян поник, погрузившись в воспоминания:

— Раньше... он был совсем другим.

— Как вы познакомились? — спросил Фэнмин.

— Когда мы встретились, он был простым начинающим актером, — с горечью ответил Му Ян.

— Я пришел на ужин со своим боссом. Я тогда только переболел и не мог пить, и он пил за меня... Кто бы мог подумать, что теперь он станет таким...

— Люди меняются, — Чэн Сюй, испытывая непонятное раздражение, налил воды и протянул стакан Му Яну. — У нас с тобой, скорее всего, одинаковые контракты. Я для себя уже всё решил: если не получится наладить отношения, разведусь не задумываясь.

Линь Фэнмин уловил скрытый смысл в его словах. Он обменялся взглядом с Янь Юнем и спросил:

— Контракты?

— А вы разве не подписывали? — удивился Чэн Сюй. — Впрочем, у таких идеальных пар, как вы, наверняка другие условия. В наших контрактах сказано: если удастся спасти брак, мы должны выполнить ряд условий шоу. Если нет — это считается нарушением обязательств со стороны проекта, и нам положена компенсация.

В контракте Линь Фэнмина ничего такого не было. Он хотел расспросить подробнее, но муж вовремя сжал его руку. Профессор вспомнил, что они — единственная пара, которая уже в разводе. Лишние вопросы могли их выдать. Он проглотил любопытство и спросил Чэн Сюя:

— А ты? Тоже пытаешься его вернуть?

Чэн Сюй криво усмехнулся:

— Неужели не заметно?

Честно говоря, заметно не было. В отличие от Му Яна, Чэн Сюй вел себя довольно отстраненно. После первоначальной заботы о Жуань Сяне он становился всё холоднее; было ясно, что его

чувства выгорели дотла.

— Признаю, я был слеп. Всё смотрел на него сквозь розовые очки, — вздохнул Чэн Сюй. Глядя на сцепленные руки актера и профессора, он добавил с легкой завистью: — Развод — не конец света. В конце концов, в мире не так много пар, которые любят друг друга так же сильно, как вы.

Линь Фэнмин: — ...

Янь Юнь: — ...

Оба почувствовали укол совести. Янь Юнь откашлялся:

— Почему вы сегодня так рано закончили?

— Ведущий прислал сообщение: вечером будет общее мероприятие, — ответил Му Ян. — К тому же мне пора готовить ужин, вот Сяо Сюй и спустился со мной.

В этот момент в комнату вошел Цяо Шань, так и сияя радушием:

— Добрый вечер всем!

Линь Фэнмин глянул на часы:

— Еще не все собрались, да и до вечера далеко.

— Ничего страшного, я просто заранее принес реквизит, — отмахнулся ведущий. — Прошу сегодняшних дежурных по кухне пройти со мной.

Му Ян встал, а за ним тут же поднялся Чэн Сюй. Цяо Шань опешил:

— Вы оба...?

— Сегодня очередь Чжэн Чуханя и Му Яна, но Чжэн наверху, — лаконично пояснил Чэн Сюй. — Я помогу.

— А, ну хорошо, хорошо, — понимающе кивнул ведущий.

Около шести вечера спустились Дуань Синбэй и Цинь Фэн. Лицо юноши пылало. Чжэн Чухань и Жуань Сянь появились только к семи, оживленно переговариваясь. Но едва Чжэн вошел, он увидел, как Чэн Сюй забирает у Му Яна кастрюлю с супом: «Осторожно, горячо». Его лицо мгновенно потемнело.

Ведущий взял слово:

— Сегодняшняя программа будет насыщенной. И первая тема — пища. Как говорится, еда — основа жизни. Только познав истинный вкус пищи, вы сможете оценить труд, который за ним стоит, в нашем следующем большом испытании.

«Следующее испытание? Труд?» Линь Фэнмин насторожился, но Цяо Шань продолжал:

— Итак, перед началом основной программы предлагаю небольшую игру, чтобы разрядить обстановку.

Он выставил на стол две коробки с конфетами:

— В каждой коробке по четыре штуки. Мы разобьемся на две группы. По команде «три-два-один» вы начинаете. Тот, кто в каждой группе захватит больше всех конфет, получит право на один дополнительный приказ в сегодняшней «Игре в короля».

«Игра в короля?!»

Интерес зрителей вспыхнул мгновенно. Гости же посерьезнели. Под руководством ведущего прошла жеребьевка. Результаты оказались следующими: первая группа — Дуань Синбэй, Му Ян, Цинь Фэн, Чэн Сюй; вторая группа — Линь Фэнмин, Янь Юнь, Жуань Сянь, Чжэн Чухань.

Ведущий с улыбкой добавил:

— Помните: конфета считается захваченной, только если вы ее съели.

Первая группа вымыла руки и надела перчатки. Цинь Фэн вел себя сдержанно. Дуань Синбэй стеснялся, поэтому Цинь Фэн просто взял конфету и вложил ему в руку. Му Ян и вовсе не решался действовать. В итоге Чэн Сюй в одиночку захватил три штуки: две он тут же отправил в рот, а последнюю, клубничную, протянул Му Яну:

— Будешь?

Му Ян опешил и, поспешно приняв подарок, тихо поблагодарил.

Лица Жуань Сяня и Чжэн Чуханя выражали недовольство. Они обменялись многозначительными взглядами. Но, к их несчастью, против них вышли Линь Фэнмин и Янь Юнь.

Эти двое привыкли соревноваться во всем. Линь Фэнмин с ледяным лицом натягивал перчатки; его сосредоточенный вид даже смутил зрителей. Янь Юнь зашел еще дальше: он заранее засучил рукава и размял пальцы. Они видели только друг друга.

Цяо Шань откашлялся:

— Итак, вторая группа, приготовиться. Три, два, один... Начали!

Жуань Сянь ждал, что Чжэн Чухань добудет конфету для него, поэтому даже не шевельнулся. Чжэн тоже хотел покрасоваться, но не успел он и руку протянуть, как две тени мелькнули перед ним. Когда он пришел в себя, все четыре конфеты уже были поделены между Фэнмином и Янь Юнем. Благодаря отличной реакции и тому, что его ладонь была больше, актер умудрился вырвать одну конфету прямо из-под носа профессора. Итог: два-два.

Линь Фэнмин с холодным видом отправил обе конфеты в рот. Он резко прикусил их, и алая клубничная начинка брызнула на губы. Он слизнул капли кончиком языка.

Янь Юнь не церемонился — он проглотил свою порцию как таблетки. Кадык его выразительно дернулся. Актер усмехнулся и, нарочно не съедая вторую конфету, помахал ею перед лицом мужа.

Линь Фэнмин вытер губы и рванулся в атаку. Янь Юнь откинулся на спинку дивана и, пользуясь своим ростом, со смехом поднял руку с конфетой высоко над головой.

Под потрясенными взглядами зрителей Линь Фэнмин просто оседлал Янь Юня, усевшись прямо ему на бедра, чтобы дотянуться до приза.

Янь Юнь не ожидал такой смелости. Он мгновенно напрягся; его рука легла на талию Фэнмина, в попытке удержать его. Профессор почувствовал слабость в коленях, но лишь крепче обхватил ногами бедра мужа.

— Отдай, — процедил он сквозь зубы.

Янь Юнь почувствовал, как по спине пробежал жар. Он хрипло усмехнулся, его голос стал ниже:

— Не отдам.

Зрители онемели, а затем чат взорвался:

[Черт, я думал, это детская игра, но что за поворот?!]

[Это уже не просто шоу, это настоящий пожар!]

[А-а-а-а, Юнь-цзы, ну ты и кремень!]

[Дразнит жену! Кажется, он ждет фразы: «Попроси меня хорошенько, и я отдам».]

[Отдаст что?! Говорите яснее! Конфету или что-то другое?!]

[Боже, я об этом даже не подумала... (лицо горит).]

Но самое горячее было впереди.

Линь Фэнмин и Янь Юнь три секунды мерились взглядами. Внезапно профессор схватил мужа за шею и, рванувшись всем телом, выхватил конфету из его пальцев. Янь Юнь на мгновение замешкался, и добыча сменила хозяина.

Фэнмин, подражая мужу, помахал конфетой перед его носом.

— Кажется, ты совсем растерял форму, звезда экрана. Совсем ни на что не годишься.

Взгляд Янь Юня потемнел. Он перехватил запястье мужа, но Линь Фэнмин действовал решительно: он мгновенно отправил конфету в рот. На его губах заиграла торжествующая улыбка, но в следующую секунду она застыла.

Янь Юнь, обхватив его за шею, впился в его губы поцелуем. Пользуясь замешательством мужа, он со знанием дела разомкнул его зубы; горячий язык властно прошелся по небу и ловким движением вернул конфету себе.

<http://bllate.org/book/15367/1372812>